

УДК 82.0
ББК ШЗ0DOI: 10.26170/fk18-01-24
ГСНТИ 17.82.09

Код ВАК 10.01.08

Е. А. Подшивалова
Ижевск, Россия**САМОСОЗНАНИЕ НАУКИ О ЛИТЕРАТУРЕ****(Рецензия на книгу: Зенкин С. Н. Теория литературы. Проблемы и результаты: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. М.: НЛО, 2018. 362 с.)****Ключевые слова:** теория литературы; рецензии.E. A. Podshivalova
Izhevsk, Russia**SELF-AWARENESS OF SCIENCE ON LITERATURE****(Review of a textbook: Zenkin S. N. Theory of Literature. Problems and Results: Textbook for Master's Degree Students and Post-graduates. M.: NLO, 2018. 362 p.)****Keywords:** literature theory; review.

«Теория литературы» С. Н. Зенкина, представленная автором как учебное пособие для магистрантов и аспирантов, и по содержанию, и по объему не укладывается в рамки обозначенного жанра. В книге картографированы наиболее продуктивные идеи литературной науки и по сути подведены итоги и обозначены перспективы ее развития. При этом теоретико-литературное знание впервые предстало в целостности и единстве, не разделенным на отечественную и зарубежную парадигмы.

Процесс самосознания стал крайне актуальным для российского литературоведения последних лет по нескольким причинам. Освобождение отечественной филологической мысли от изоляции в конце 1980-х годов послужило притоку новых идей, импортированных из европейской и американской науки, и позволило через их призму взглянуть на литературный процесс, освоить новые подходы к художественному тексту. Это, безусловно, продвинуло вперед российское литературоведение, изменило представление о его статусе в ряду других гуманитарных наук. Но по мере накопления заимствованных методологических знаний происходила ревизия и собственного теоретического багажа. Обнаружилось, что идеи формальной школы 1920-х годов, русской антропологической философии, советского структурализма, системно-субъектного анализа не только органично вписываются в развитие западной филологической мысли, но в чем-то и продуцировали ее развитие. Безусловно, перед учеными встала задача уяснить, как сегодня функционирует ставший общим поток литературоведческого знания. И, наконец, еще одной важной причиной для начавшегося на рубеже столетий процесса саморефлексии науки является ее уже достаточно солидный возраст. Как и в любом процессе жизнедеятельности, в развитии литературоведения есть этапы расцвета и упадка, накопления мыслительной энергии и пассионарного ее выброса. Литературоведение в XX веке прошло период своего классического развития и начинающийся сегодня новый этап его пути требует интеллектуальной перезагрузки. Все это делает научную монографию (так обозначим жанр

рецензируемого труда) С. Н. Зенкина крайне востребованной и актуальной.

Отличие этой работы от традиционных учебников по теории литературы состоит в том, что ее автор не стремится описать все дефиниции, с которыми имеет дело создатель художественных текстов, и весь инструментарий, которым должен владеть их исследователь, а сосредотачивается на фундаментальных проблемах науки, на интеллектуальных конструкциях, выработанных литературоведением.

Книга начинается с обзора дискурсов о литературе, в число которых входят *критика*, *филология* и *поэтика* (*теория литературы*). Дифференциация этих понятий важна для С. Н. Зенкина с методологической точки зрения. Он пишет, что «Наука должна (...) задумываться о своих собственных пределах (...), выяснять свои границы, внешние связи, которые могут затем отражаться в связях внутренних» (с. 12). Ученый стремится избежать слова «литературоведение» в силу его неточности и неудобства для концептирования. Выделенные дискурсы о литературе он именует общим термином «наука о литературе».

Критику как вид аналитического мышления о литературе вслед за Ж. Старобинским С. Н. Зенкин разделяет на четыре группы в зависимости от функции. «Критика — 1» оценивает литературную деятельность, отделяет художественные тексты от нехудожественных; «критика — 2» (филология) определяет эстетическую ценность текстов, исходя из выбора их существующих вариантов; «критика — 3» (поэтика, теория литературы) обогащает художественный текст интерпретациями; «критика — 4» подвергает отбору не тексты, их варианты и версии, а критические интерпретации.

Описав развитие филологии XIX–XX веков, С. Н. Зенкин делает вывод о том, что она повторяет путь критики: «Начав с глубокой озабоченности языком, его внутренним строением и его основополагающей функцией в составе национальной культуры, она затем постепенно отходит от языковых проблем» (с. 25).

Связав формирование науки о литературе с подъемом интегральной филологии в XX веке, уче-

ный акцентирует внимание на современном этапе ее развития, изменившем взгляд на литературную эволюцию (которая начала мыслиться как взаимодействие и преобразование функциональных систем) и на предмет исследования (которыми зачастую стали синхронические модели, отражающие единовременное состояние литературы).

Классифицируя дискурсы о литературе, С. Н. Зенкин подчеркивает их зависимость от исторического развития не только науки, но и самой литературы. Это наглядно проявляется, например, в описании трансформаций классической риторики, не совпадающей по предмету и методам изучения с неориторикой. В дискурсе теории литературы он выделяет две практики работы со словом — поэтику и герменевтику — и утверждает, что деятельность этого дискурса укоренена в самом устройстве литературы, склонной к самометаописанию. Судьба теории литературы, по мнению ученого, драматична из-за неустойчивости ее статуса: из сферы науки она стремится выйти в общественно-политическую сферу или в сферу литературы как таковой.

Закономерно следующей дефиницией, привлеченной внимание С. Н. Зенкина, явилась литература. Методологически плодотворным для выявления ее сущности, по мнению ученого, стало понятие литературности, которым оперировал Ц. Тодоров. Оно гетерогенно и может определяться разными критериями: конкретно-лингвистическими (Р. Якобсон), абстрактно-эстетическими (Р. Барт). Исследования Ю. М. Лотмана позволили ученому добавить еще один критерий к определению литературности — «закрытый и открытый текст». Первый сигнализирует о целостности литературного явления (тексте), второй — о вариативной долитературной словесной деятельности (фольклор), либо серийной (дискурсе). Опираясь на исследования Ю. Н. Тынянова, С. Н. Зенкин показывает динамическое взаимодействие литературного ядра и периферии, а также значение литературного быта для формирования самого явления литературы.

Из наблюдений ученого становится ясно, что статус литературы, как и теории литературы, по существу не определен: «Литература говорит обо всем, взаимодействует со всеми видами социальной практики и определить ее специфику в этом взаимодействии оказывается критически сложной задачей» (с. 84).

Завершив разговор об изучающих литературу научных дисциплинах и о ней самой, С. Н. Зенкин переходит к дефинициям, которыми обозначается устройство литературного текста (автор, читатель, текст, жанр, стих, стиль, рассказ). Но исследователя интересуют не определения этих понятий, а динамика их концепирования, сложившаяся в науке благодаря методологически разнородным подходам. Он сосредотачивается на описании этих подходов, что позволяет высветить вектор движения исследовательской мысли.

Категории *автор* и *читатель* предстают в книге как своего рода бинарная оппозиция, особым образом репрезентируемая в структуре текста, а за его границами позволяющая выстроить две истории литературы — традиционную и еще пока не создан-

ную, мыслимую в качестве проектной модели литературной науки.

Описывая категорию *автор*, С. Н. Зенкин излагает концепции Р. Барта, М. Фуко, Ю. М. Лотмана, П. Бурдьё и М. М. Бахтина. Он фиксирует, что автор для Барта — исторически относительное понятие, у которого есть начало и конец в большом времени существования литературы. М. Фуко интересуется автор в социальном аспекте, как лицо, связывающее текст с окружающим миром. Ю. М. Лотман и П. Бурдьё обращаются к проблеме писательской биографии: первый — в ее проекции на самоценную автономную творческую деятельность, второй — на литературу как подсистему социума. М. М. Бахтин сосредотачивается на эстетической внутритекстовой функции автора. Разграничивая биографического автора (писателя) и внутритекстового (автора как категорию эстетическую), С. Н. Зенкин, к сожалению, оставляет без внимания вопрос о формах выражения авторского сознания в произведениях различных литературных родов и жанров. А это, как известно, важнейший эстетический маркер «внутреннего» автора, позволяющий выявить характер художественного мышления «внешнего» автора. Не случайно в работе «Из наблюдений над терминологией М. М. Бахтина» Б. О. Корман описал весь спектр значений слова *автор*, которые использовал ученый, и показал, как с семантикой этого понятия связана концепция монологического и полифонического романа.

Учитывая идеи А. Компаньона, С. Н. Зенкин далее ставит проблему авторства и интенции. По его мнению, автор и его намерение, выраженное в тексте, призваны «служить критерием, позволяющим отделить приемлемые толкования текстов от неприемлемых» (с. 103). В разговоре об интенции закономерно всплывает категория *читатель*. Авторская интенция ничем не должна отличаться от читательской: «они на равных борются за осмысление текста и могут даже подменять одна другую» (с. 103).

Обращаясь к работам А. Компаньона, Р. Барта, Р. Ингардена, В. Изера, Х. Р. Ясусса, Ю. М. Лотмана, С. Н. Зенкин описывает категорию *читатель*, имеющую, как и категория *автор*, две ипостаси — затекстовую и внутритекстовую. Читатель рассматривается не только в качестве эстетический параллели автора, но и как антагонист последнего, ибо «Рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» (Р. Барт).

С. Н. Зенкин акцентирует внимание на оформившемся в современной науке понятии имплицитного читателя, «имеющего знаковую природу» и «фокусирующего в себе смыслы и языки текста». Считаю необходимым заметить, что в отечественном литературоведении 1970-х гг. проблема читателя являлась частью проблемы автора (см. работы И. В. Егорова, Б. О. Кормана, В. Ш. Кривоноса, Ю. М. Лотмана, В. В. Прозорова, В. И. Чулкова) и позволяла осмыслить художественный текст как эстетически завершенную систему (См.: Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 314–334), а это в свою

очередь продвигало науку к обретению самоидентификации. С. Н. Зенкин показывает, как в эти же годы проблему читателя начало решать западное литературоведение. Внимание уделялось способности реципиента заполнять лакуны в фикциональном мире и тем самым не только улавливать в структуре текста интенцию автора, но и трактовать произведение, опираясь на собственный культурный опыт. Данный ракурс рассмотрения читателя позволяет науке в дальнейшем поменять технику толкования текста, перейти от автора к читателю. Последний, имея различный культурный багаж, может проявить себя как конгениальный автору субъект восприятия или же как «субъект вольной культурной игры, не связанный никакими обязательствами перед интерпретируемым текстом» (с. 337).

Следующее понятие — *текст* — описывается С. Н. Зенкиным в основном через концепции Ю. М. Лотмана, Ж. Дерриды, Ж. Женетта. Естественным оказывается вопрос о парадигматических и синтагматических пределах текста. Отсюда внимание к соотношению понятий «текст», «фрагмент», «архитекст», «произведение», «авантекст», «паратекст» и к новым подходам — интертекстуальному анализу, генетической критике.

Если проблема текста у сегодняшнего литературоведения практически не вызывает вопросов, то проблема *жанра* по-прежнему оставляет их множество. С. Н. Зенкин показывает, что наука, стремясь определить понятие жанра, с древних времен идет двумя путями — таксономии и герменевтики. При этом таксономическая схема Ж. Женетта рассматривается как итог систематизированных идей Аристотеля. Автор монографии показывает, что оба подхода к проблеме жанра продуктивны до определенного предела. Современная литература, строящаяся на смешении жанров, ломает логичные схемы, поэтому Н. Фрай сочетает оба подхода. С. Н. Зенкин показывает, что современная наука разграничивает жанры дискурса и жанры текста (Н. Фрай, Ж.-М. Шеффер), и это до определенной степени позволяет решить проблему. Жанровые определения применяются не к текстам, а к сюжетам, тематическим типам дискурсов. М. М. Бахтин выделяет понятия речевого жанра и памяти жанра. Исходя из жанрового состояния современной литературы, С. Н. Зенкин делает вывод: «...теория жанра — не то, чтобы устаревшая проблема (...) но это проблема прежде всего литературы и культуры прошлого» (с. 175). Однако последняя не перестанет быть объектом внимания науки, а следовательно, вновь обратит к себе внимание ученых.

Работы Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского, Р. О. Якобсона, Ю. М. Лотмана, К. Ф. Тарановского и М. Л. Гаспарова послужили С. Н. Зенкину основанием для описания динамики и семантики *стиха*. Он показывает, как складывалась русская теория стиха и как ученые связывают технику стихосложения и семантику.

Понятие *стиль* представлено в основном через концепции зарубежных ученых, сведенные к двум типам — монистической, где стиль рассматривается как оценочная категория, и плюралистической, где

он мыслится дескриптивным явлением. С. Н. Зенкин замечает, что «...объективная классификация стилей противостоит их более субъективной герменевтике» (с. 197). Он характеризует лингвистическую и риторическую концепции стилей. В лингвистике стиль рассматривается как коннотативная подсистема языка, а языковой предпосылкой риторической концепции стиля служит синонимия. В данной главе обращает на себя внимание описание динамики используемых в литературе фигур речи, которая отражает изменение представлений о художественности.

Следующая глава посвящена *рассказу* не как жанру, а как проблеме повествовательности в литературе. Начинается она с описания «чистого» рассказа, который, с точки зрения В. Бенямина, шире, чем эпос в понимании М. М. Бахтина. «Концепции «чистого рассказа» фактически направлены на то, чтобы очистить фабулу от сюжетных деформаций» (с. 236), — считает С. Н. Зенкин. Он останавливается на вопросе о взаимосвязи действия и смысла в рассказе, рассматривает соотношение истории (события) и сюжета, вслед за Ю. М. Лотманом оговаривает открытую и закрытую повествовательные структуры. В связи с последним вводятся понятия «миф» и «анекдот» как досюжетные элементы словесной структуры. Важной частью этой главы является описание нарративных структур и фигур, используемых в прозаических текстах и выявленных В. Я. Проппом, А.-Ж. Греймсом и Ж. Женеттом.

От проблемы рассказа С. Н. Зенкин переходит к проблеме связи художественного текста с внешним миром (*референции*). Он показывает, что этот вопрос дискутируется наукой через обращение к понятиям вымысла и правдоподобия. Понимание вымысла В. Изер соотносит с организацией художественного текста, в котором проявляется «"текстуальная игра" с границами реальности» (с. 281). Отсюда постановка вопроса о повествовании и вымысле. Категория правдоподобия в тексте на разных этапах литературного развития понимается по-разному. Правдоподобие неравномерно распределяется и между частями текста, «...возникает в ходе их взаимодействия» (с. 290). В данной главе продемонстрировано, что современная наука по-новому понимает мимесис: с творческой деятельности автора интерес переносится на герменевтический опыт читателя. «Современный литературный мимесис не авторский, а читательский», — делает вывод С. Н. Зенкин.

Последняя глава книги — *История* — начинается с вопроса о литературной эволюции. Автор монографии демонстрирует две ее концепции — филиционную и системно-динамическую. Первая сложилась благодаря исследованию традиционной и «риторической» словесности, вторая — современной литературы. Таким образом, эти две модели применимы к двум разным эпохам литературного развития. Современное представление об истории литературы учитывает и историю читательской рецепции. С. Н. Зенкин представляет эволюционную теорию Х.-Р. Яусса, учитывающего коллективного читателя, чьи «горизонты ожидания» влияют на литературную судьбу произведения или писателя и концепцию В. Изера, изучившего феноменологию

индивидуального чтения. В данной главе С. Н. Зенкин возвращается к проблеме интертекстуальности, которая воплощает не динамическую, а комбинаторную модель существования литературы: «...все тексты соседствуют и потенциально сочетаются в общем пространстве мировой библиотеки» (с. 328).

Завершая разговор о концепциях, выработанных гуманитарным знанием, ученый делает вывод: «Современная наука о литературе сравнительно мало использует идею эволюции» (с. 329); «Сделавшись историей диффузных *миграций* и *мутаций*, а не казуально связанных *событий*, история литературы отказывается от одномерной темпоральной формы (...) и разворачивается в мировую пространственную картину» (с. 333) (курсив автора — Е. П.).

Монография С. Н. Зенкина — итог многолетнего труда по осмыслению длительного периода развития теории литературы, когда последняя сформировалась, достигла своего расцвета и подошла к рубежу, за которым ее ожидает превращение в литературную теорию. И это осмысление — признак жизнеспособности научной дисциплины, залог ее будущей жизни и востребованности. Автор обозначил довольно амбициозные перспективы: создание обьективно обоснованной истории всемирной литературы; поворот от автора к читателю в изучении литературного процесса; формирование новой карты интеллектуальных дискурсов на основе идей, выработанных мировой рефлексией о литературе.

Данные об авторе

Елена Алексеевна Подшивалова — доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

E-mail: podshlana1@mail.ru.

About the author

Elena Alekseevna Podshivalova, Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk).